

СЛУШАЯ ВРЕМЯ

"Известия" г. Москва, 7 мая 1974

ЧТО ОБЩЕГО между ночными разговорами о стихах, грандиозной забастовкой железнодорожных рабочих в Лондоне, Верой Федоровной Комиссаржевской, «воздушной петлей» авиатора, французской борьбой в цирке русского тяжелоатлета с голландским борцом и еще множеством столь же различных вещей?

Однако Александр Блок, предвзятое свое «Возмездие», говорил о том, что все они имеют для него «один музыкальный смысл... создают единый музыкальный напор» его времени. Он призывал слушать «мировой оркестр», различая в нем смысл и душу каждого звука.

Недавно я видел фильм, который как бы исходил из этого завета и показал, что «мировой оркестр» событий, фактов, явлений можно услышать и в таком скромном, обычном на первый взгляд инструменте, как гитара, если ты, конечно, сумеешь добраться до ее души. «Начинается плач гитары. Разбивается чаша утра... Так прощается с жизнью птица под угрозой змеиного жала. О гитара, бедная жертва пяти проворных кинжалов!».

Так писал Гарсиа Лорка. Он знал, о чем пишет. Его убили однажды, на рассвете, под Гранадой, черные гвардейцы Франко. А потом его гитара снова воскресла, и в ее звуках, как всегда у Лорки, как всегда, когда говорит настоящая испанская гитара, была не только светлая печаль, но и солнце веселое, как апельсин, были молнии «проворных кинжалов» и надежда. Я сам это слышал в Севилье. Что-то гортанное, страстное выкрикивали гитаристы, и гитары танцевали в тот вечер фламенго в честь «руссо рохо» — красных русских. «Вы разбили в свое время Наполеона. Мы в Мадриде — его брата Жозефа. Вы дали приют испанским детям в час нашей беды. Разве это можно забыть? Мы хотим быть снова вместе!»

Мы слышали эти слова повсюду — от Барселоны до Мадрида в то испанское лето. На экране причудливо танцуют серебристые струи воды, похожие на испанских танцовщиц. И мне кажется, что передо мной зримый отзвук стихов Лорки. Фильм ведет меня в глубины времени: музыка сливается с живописью. Я вижу гитару на фоне русских пейзажей. И вспоминаю, как Пушкин влюблен был в ее вольный цыганский напев. Потом она возникает под итальянским небом Караваджо, а затем неожиданно

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

оказывается в руках мраморных античных дев, но только это уже не гитара, а ее древний предок — лира, ставшая знаком многих искусств. Каждое из них может стать прекрасным и ничтожным, возвышающим душу и опасным.

В окопах, в дни войны, говорит тихая песня о доме, о детях, о той, что ждет... Внезапно этот душевный голос сменяется шабашем, «хлыстовством», беснующимися под те же гитары, ошалевшими мальчишками и девчонками, как это было, скажем, в фильме «Загнанных лошадей убивают, не правда ли?».

НО ГИТАРА знает и совсем другие ритмы: поход геологов, веселый сумбур отправляющихся в путь строительных отрядов на КамАЗ, движение студенческих манифестаций во многих городах мира, где гитара и те, кто взял ее в руки, снова не становятся жертвой «проворных кинжалов» и еще более проворных резиновых дубинок и автоматов.

Передо мной возникают никогда не виданные ранее кадры: Виктор Хара, чья гитара была душой Чили, мятежной и исполненной великой доброты и веры. У него густые черные брови, горячие глаза... Как весело он поет песню о Фиделе... Гитару его разбили вдребезги, певца, как известно, убили на стадионе Сантьяго, сломав перед этим ему руки. В ответ — на экране многоголосые площади поднимают тысячи рук и десятки гитар: они свешиваются, как спелые плоды, с потолка гитарной фабрики, медленно плывут вокруг старого мастера, который прислушивается к поющей струне, как могут прислушиваться только к биению собственного сердца.

Кому будут служить эти струны! Они, как цветы, их можно подарить любимой, из них можно сплести погребальный венок, с ними можно прийти на митинг и их можно вложить в дула полинейских винтовок, как это сделала когда-то в Кентском университете американская студентка Алисон Кравзе...

Всего 18 минут фильма «Я — гитара», а кажется, что ты увидел большую картину. Ее сделали сценарист Георгий Капралов и режиссер Юрий Герштейн. Как емко кинематографическое время, когда оно в умелых руках!..

Художник — летописец века. Его свидетельства адресованы настоящему и будущему.

На одном из лучших офортов Пикассо изображен мифический минотавр, тот, что согласно легенде жил в лабиринте и пожирал приносимых ему в жертву девушек и юношей Крита. Пикассо часто обращался к этому мифическому чудовищу, трактуя его как слепую, жестокую и вместе с тем нередко беспомощную силу.

Этот полубык-получеловек с гигантской вытянутой вперед рукой, почти безглазой мохнатой головой и острыми, как ножи, рогами несет в себе на этом офорте совершенно очевидную социальную метафору войны и животной, грубой силы. Он одновременно свиреп и, как ни странно, жалок, ибо этот гигант на глиняных ногах того и глади рухнет. Но пока что он может причинить еще много бед.

Перед минотавром умиравшая лошадь и опрокинутая навзничь женщина. Бесстрашно глядя на чудовище, на его дороге стоит девочка. В поднятой руке она держит свечильник. За ней на лестнице атлет, лицо его повернуто в сторону зверя, и он непременно вступит с ним в бой, ибо даже свет истины, что держит в руках ребенок, может не проникнуть в темное сознание зверя.

Наверху, в окне башни, с ожидающим смотрят на это решающее противоборство два женских лица, на карнизе голуби — Мир! За него и идет эта битва: минотавр должен быть побежден, куда бы он ни протягивал свою длинную руку, где бы люди ни почувствовали его смрадное дыхание.

Помню, как во время гастролей «Арены стейдж» — американской группы из Вашингтона, я обратил внимание на то, что в двух показанных ими совершенно отличных, казалось бы, друг от друга спектаклях, сцену покрывало своей широкой зеленой кроной огромное дерево. Нет, это не было случайностью. Это был ясно выраженный призыв охранять Древо жизни.

«Какие красивые деревья, и в сущности какая должна быть около них красивая жизнь!» Как близка нам сегодня эта чеховская мысль!

Каждый человек — драгоценность, каждое дерево — чудо. Каждая страна равноправна и суверенна на карте человечества. Однако мир пока еще мало напоминает идиллию.

Я БЫЛ на Кипре в первую весну его освобождения. Помню, как опьяняюще цвели тогда в Фама-

густе апельсиновые рощи. И люди были, как хмельные, ибо они стали свободны. Я печатал тогда в «Известиях» статьи об «Острове Афродиты» и, кстати, рассказал об одном происшествии, которое произошло со мной возле грота, где, по преданию, купалась богиня любви. Как известно, во время этого купания за ней подглядывал красавец Адонис, и она его превратила в дикого кабана.

Возле этого-то грота, едва мы вышли из машины, на нас обрушился неистовый ливень. Я никак не походил на Адониса и не понимал, за что на нас сердится богиня. Дождь лил. Мы промокли до нитки. А потом появилась девочка и провела нас в крестьянскую хижину, где немолодая, с натруженными руками гречанка высушила наши одежды, попоила нас вином, накормила лепешками. И когда мы потом снова тронулись в путь по горам Троодоса, я подумал, что мне очень повезло, так как я, кажется, встретил на своем пути Афродиту Киприйскую.

Я представляю ее сейчас среди беженцев, лишившихся крова и блуждающих по дорогам, возле деревьев Кипра...

Только что встретился с другом, с которым ехал тогда в машине. Это председатель Кипрского совета мира Панос Пеонидис. Мы говорили о грудной судьбе раздираемого на части острова. Но Панос и его друзья верят в стойкость киприотов, в силу Ассамблеи народов. И не прекращают борьбы...

Я вспоминаю также глаза знаменитых трагических актрис Греции, живших в изгнании. Они были полны слез. На сцене Аспасия Папатанасиу и Мелина Меркури играли Медею и Федру. Но после того, как танки Пападопулоса больше семи лет назад свергли законное правительство, они покинули родину, жили вне театра, и эта трагедия была для них выше трагедий Расина и Еврипида. Они знали о муках своих сограждан, высланных главою хвхты на скалистые острова, полные тарантулов и змей. Сейчас обновленная Греция отправила на один из островов Эгейского моря самого Пападопулоса...

БУДУ всегда благодарен судьбе за то, что она дала мне узнать счастье интернационального братства. Последний раз все комитеты солидарности мира, которые объединили свои усилия, чтобы помочь семьям политзаключенных Греции и расска-зывать людям о борьбе ее сыновей, встретились в ФРГ во Франкфурте-на-Майне.

И снова новые друзья — издатель Иозеф Вебер его жена Ингардт геноссе Нойман — добряк вулканического темперамента и столь же пылкой доброжелательности, притом — точный и организованный, как компьютер. Как он был

рад, что у нас отмечали двухсотпятидесятилетие со дня рождения Канта, что мы не только спорим с великим немцем, но и находим немало ценных мыслей в его эстетике и в его этике. Мы едем с немецкими друзьями по восхитительной Рейнской долине среди домиков из старой немецкой сказки, романтических замков, крутых склонов, превращенных в виноградники трудом и любовью, едем мимо скалы Лорелей, воспетой Гейне, едем «через Гард, поросший лесом, вдоль по рейнским берегам.

По Тюрингии дубовой, по Саксонии сосновой, по Вестфалии бузиновой, по Баварии хмельной». Мы читаем в машине эти строки Багрицкого. Вокруг так красиво, но нам все-таки нет-нет, да вспомнится та мюнхенская пивная в «хмельной Баварии», откуда началась трагедия немецкого народа. Наряду с глубоким дружеским расположением к нам большинства западногерманских немцев и реализмом их правительства есть еще, к сожалению, тени, что не исчезли «в полдень».

На каменной стене крепости в Кобленце высечены слова о том, что мертвые солдаты требуют мира. Живые — тоже. Я никогда не забуду того вечера во Франкфурте-на-Майне, вечера красных гвоздик и снующих между столиками детей, на котором делегаты многих стран говорили о своей ненависти к нацизму и о всемирной солидарности.

ВХОДУ в домик Бетховена в Бонне и сразу же ясно, физически ощущаю бетховенскую слухоту: в пустой комнате громко тикают часы. Потом я вижу клавишник, специально сделанный для него в Вене: вместо одной струны на клавишу — четыре. Не помогало. Тишина вокруг него все росла. Его слуховые аппараты увеличались в размере — вначале небольшой рыцарский рожок, затем боевая труба и, наконец, некий громадный черпак для его «изумительной, нечеловеческой музыки». — так назвал ее Ленин.

И вдруг тишина взорвалась, и весь дом наполнился лавиной оркестра и мощью хора. «Обнимитесь, миллионы!» — пел хор из девятой симфонии. Всемирность! И ты снова невольно, быть может, не создавая того, думаешь о музыке века, куда входит и поступь миллионов солдат мира, и идущие еще где-то сражения, и крик одинокого отчаяния, и тревоги, ибо небо еще не очистилось от туч. И движение звездных сфер, на которые смотрит ученый, и тишина утра, и шепот влюбленных, и ода «К радости» созидающая и разума.

Я начал Блоком, им хочу закончить: «Дело художника, обязанность художника, — писал он, — видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит «разорванный ветром воздух».